

С.А. ГЕРАСИМОВИЧ

**ПАМЯТНИКИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ФРОНТИРА**

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация
777sir@gmail.com*

Вопрос сохранения традиционной культуры особенно остро стоит в век глобализации. Под традиционной культурой обычно понимают совокупность объектов нематериального наследия определённой территории, общности. В соответствии с Международной конвенцией об охране нематериального культурного наследия,

принятой ЮНЕСКО в Париже 17 октября 2003 г., к нематериальному культурному наследию относят обычаи, обряда, празднества, представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. ЮНЕСКО ввела новый тип объектов наследия – памятники нематериальной культуры. К ним относят различные виды и проявления народной традиционной культуры – фольклор, бытовые традиции, песни, народные художественные промыслы и т.д.

Особое место среди объектов нематериального наследия занимают урочища и прочие пространства, ценность которых обусловлена не их природной составляющей как таковой, а отношением к ним коллективной фольклорной памяти. Иногда такие объекты называют объектами сакральной топографии, однако более удачно назвать их памятниками народной традиционной культуры. Причём ими могут быть локусы как природного, так и антропогенного происхождения (поклонные, придорожные и каменные кресты, часовни, кладбища). Чаще всего памятники традиционной культуры представляют собой комплексы из нескольких объектов, так культовые родники кроме гидрологического объекта могут включать кресты, срубы и часовни. Иногда памятники традиционной культуры называют также деревенскими или сельскими святынями. Так, на территории Беларуси и в сопредельных районах к ним относятся: отдельные холмы (святые и лысые горы, красные горки и др.), озёра (святые, бездонные и с храмами, которые провалились), реки, родники (лечебные и места явления икон), болота, камни (следовики, портные, с ямками), каменные кресты, валуны, отдельные деревья (дубы, сосны, липы и др.), курганы (татарские, шведские, французские могилы), городища и селища, старые кладбища, пещеры, валы, дороги и мосты, прощи.

Если часть из этих объектов уже охраняются как уникальные природные, то многие в этом плане никакой уникальности не представляют. Кроме того, сейчас происходит разрушение традиционной культуры: деревни и сёла пустеют, нарушается преемственность поколений в сфере нематериального наследия, а с уходом носителей этих знаний утрачивается и значение самого памятника традиционной культуры, который превращается в рядовой элемент культурного ландшафта. Поэтому актуальность проблемы фиксации и сохранения памятников традиционной культуры доказывать не нужно, она очевидно. Данные объекты имеют значительный туристический потенциал, могут способствовать созданию рабочих мест в сельской местности. На территории Беларуси это особенно актуально для восточных регионов, где памятников архитектурного наследия, культовых объектов осталось не так много в результате определённых исторических процессов.

Феномен памятников традиционной культуры практически не затронут в современных социально-географических исследованиях, однако указанные объекты изучаются как особый вид культурного ландшафта представителями культурной географии. Так Ю.А. Веденин относит их к четвёртому типу ассоциативных ландшафтов [1, с. 110-111]. Кроме памятников традиционной культуры в эту группу включены также монастыри, прочие сакральные городские и загородные комплексы, включая прилегающие земли и виды окрестностей. При данном подходе, феномен памятников традиционной культуры рассматривается более широко, включает обширные факультативные буферные территории, тяготеющие к данным комплексам. На мой взгляд, подобное понимание данного феномена немного сужает его объектную область, так как большинство памятников традиционной культуры сохраняют своё значение и при значительной трансформации природной основы. Тут большую роль имеет сохранность специфической информации – «легенды» объекта. Поэтому памятники традиционной культуры целесообразнее рассматривать не в ландшафтном, а в социокультурном пространстве.

Социокультурное пространство является сравнительно молодым понятием в отечественной науке. Социокультурное пространство можно определить кратко как способ культурного бытия людей в рамках определённых территориальных границ. Культурное освоение определённого пространства порождает особенную ценностно-символическую и нормативную систему, его материальные и духовные объекты и особую коммуникативную среду.

Социокультурные пространства могут быть ранжированы на несколько иерархических уровней – лично-индивидуальные, локальные (местные), региональные, национальные.

Включение новых объектов в социокультурное пространство происходит по мере его освоения в процессе интерпретации этих объектов человеком либо общностью людей. Абстрактный лес, источник, парк, другой объект не является частью социокультурного пространства до тех пор, пока не возникает устойчивой информационной привязки к нему, которая делает данный объект значимым для человека либо общности людей. Обладание данной информацией об объекте становится маркером принадлежности человека к общности, является индикатором в системе «свой-чужие».

Более того, памятники традиционной культуры являются узловыми объектами социокультурного пространства на локальном уровне и важным компонентом при конструировании локальной идентичности.

Слово идентичность имеет латинский корень *idem* (то же самое) и в историко-антропологическом контексте обозначает единичное бытие личности, её действия, опыт, желания, мечты и воспоминания, или «самость» с обязательной отсылкой к времени, также подразумевает отношение индивида к самому себе, но в контексте его причастности к другим индивидам, социокультурной жизни и обществу (так называемая социальная идентичность как переживание и осознание собственной принадлежности к той или иной социальной группе или обществу) [2, с. 120].

Пионером в исследовании идентичности как особого социально-культурного феномена является американский психолог Эрик Эриксон, который в своей работе использовал как психоаналитический, так и философско-социологический подходы, что и определило статус концепта идентичности как категории междисциплинарных знаний. Важнейшим условием понимания сути идентичности для Эриксона является её историчность и географичность. Каждый индивид включён в историю и пространство, в поток социальных изменений. Человек – это не «археологический курган, где слой следует за слоем, по мере взросления он делает своё прошлое частью будущего, а любую прошлую среду, с которым он взаимодействует – частью своей современной среды» [3, с. 215].

Обращаясь к анализу коллективной идентичности, мы обращаемся к серии символических культурных практик, воплощающих структуры, воображаемые различными субъектами, практик, которые могут символически устранять одних субъектов и различать других.

Внимание к коллективам и формированию их идентичностей оживило исследовательский интерес к самому процессу идентификации. По словам Зигмунта Баумана: «Идентичность становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [4].

Конструирование любой идентичности – это конструирование чего-то принципиально иного, которое происходит, однако, в результате осмысления коллективной исторической памяти. Поэтому памятники традиционной культуры так важны в этом процессе, ибо на локальном уровне они и содержат маркерную информацию, формирующую специфику исторической памяти данного сообщества.

Изучая процесс передачи данной информации внутри сообществ и во вне, пространственные рамки данного процесса, возможно получить уникальную информацию о структуре местных сообществ, информационных потоках и прочих видах взаимодействия между ними, об их открытости, об миграционных потоках и т.д. Учитывая скорость распада локальных сообществ в настоящее время, временной люфт для подобных исследований не так велик, а изучив данный процесс, необходимо предложить комплекс мер, которые остановят утрату памятников традиционной культуры и сопряжённое с ней дальнейшее разрушение локальных сообществ.

В Восточной Европе особо велика концентрация памятников традиционной культуры в Восточной Беларуси и сопредельных областях России (Псковской, Смоленской), на территории некогда населённой племенами кривичей и радимичей. Однако степень сохранности данных объектов очень мала, положение ухудшается с каждым годом, а они могут стать не только основой для возрождения локальной идентичности, брендинга сельских поселений, но и приостановить высокие темпы угасания села, стать ресурсом с огромным и выдающимся туристско-рекреационным потенциалом.

Список литературы

- 1 Веденин Ю. А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия / Ю.А. Веденин. – М.: Новый Хронограф, 2018. – 471 с.
- 2 Рикёр, П. Память, история, забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 630 с.
- 3 Эрикссон, Э.Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование / Э.Г.Эрикссон. – М., 1996 г. – 507 с.
- 4 Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман – М.: Изд-во Логос, 2002. 390 с.